

Таким образом, проблема, которую необходимо решать, заключается, помимо всего, в том, чтобы найти средства, способные повлиять на соотношение и согласованность личных интересов с интересами общества. Эти и другие проблемы правового воспитания являются на сегодняшний день одним из важных компонентов в профессиональной деятельности юриста, которому приходится ежедневно решать не только поисковые и достоверительные задачи, но и педагогические, воспитательные.

Примечания

1. Климов Е. А. Введение в психологию труда : учеб. пособие для вузов по специальности «Психология». М., 1988. С. 65.
2. Шиханцов Г. Г. Юридическая психология : учебник для вузов / под ред. В. А. Томсинова. М., 2000. С. 182.
3. Татаринцева Е. В. Правовое воспитание (Методология и методика) : метод. пособие. М., 1990. С. 15.
4. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов. 3-е изд. М., 1999. С. 147.
5. Татаринцева Е. В. Указ. соч. С. 24.
6. Актуальные проблемы правосознания в современной России : сб. науч. тр. / под ред. Г. Х. Ефремовой. М., 2005. Ч. 1. С. 21.
7. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Иркутск, 2008. С. 547.
8. Психология личности в трудах зарубежных психологов / сост. и общ. ред. Реана А. А. СПб., 2000. С. 53.

ПУХОВСКОЙ Д. А.

ПЕРВЫЙ ДОГОВОР РОССИИ И КИТАЯ В ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Отношения с Китаем во всех формах выражения межгосударственного общения, а особенно взаимоотношения населения приграничных территорий, зависит от признания Китаем российской государственности (суверенитета) на территории Дальнего Востока, и Забайкалья в частности. Изучение этого фактора предполагает обращения внимания на конкретно-исторические, этнические, культурные и правовые реалии, связанные, так или иначе, с утверждением на указанных территориях суверенитета России. Между тем с формированием правовой базы, регулирующей данную сферу общественной жизни, задействован во-

прос образования такого правового института, как иностранный поданный (иностранец), а также круг прав и обязанностей указанного субъекта права на территории Восточной Сибири.

По общему мнению, формирование правового понятия «иностранец» тесно связано с формированием понятия «подданство», от которого во многом зависело правовое положение иностранцев. При этом понятие подданства, тем более подданства иностранного государства, до XVII в. носило, по большей части, житейско-бытовой, а не юридический характер. Главными критериями для определения данной категории служила, прежде всего, территориальная, культурная, языковая, национальная принадлежность личности, на основании которой правоприменители делали вывод о свойствах правового статуса личности, определяя чаще его как «своего» или «чужого». Формальное определение такой категории, как «иностранцы», не ставило их в зависимость от принадлежности к конкретному государству, что в целом уравнивало их как в правах, так и в возможностях между собой. Однако такое положение дел и не увязывало их с местной правовой системой, что могло им чинить ряд ограничений, которые по своей природе не были характерны для субъектов местного права. Вопрос о том, с какого времени на правовой статус иностранца стали оказывать влияние свойства подданства, остается открытым, однако, по мнению большинства авторов, данные изменения происходят в XVII–XVIII вв. Как считается, противопоставление субъектов права по признаку подданства на Руси тесно связано с принадлежностью или не принадлежностью к русской церкви [5], которая в ходе реформаторской активности Петра I постепенно заменилась «вечным подданством Российскому Государю».

Сложившаяся правовая практика находит место и в формировании правового поля взаимоотношений России и Китая, связанного как с рассмотрением вопросов о границе и правовом регулировании приграничной торговли, так и правовом статусе иностранных граждан на территории сопредельного государства. Первые акты сопредельных государств содержат, в том числе, и нормы, отражающие развитие феномена подданства, и основные принципы построения публичного правового регулирования частных интересов иностранцев.

Русское государство не встретило сколько-нибудь серьезного сопротивления в своем продвижении на Восток. Это было связано с отсутствием вообще, либо наличием слабых государственных образований на территории колонизируемой Сибири. Немногочисленное местное население, жившее натуральным хозяйством и получившее в официальных документах наименование «инородцы», не представляло, за редким исключением, единой политической суверенной силы, поэтому вопрос о взаимоотношениях с другими государствами и их подданными на данной территории с правовой точки зрения практически не поднимался.

Особняком здесь стоит территория Забайкалья и Дальнего Востока, интерес к которым проявлял цинский Китай. Тем более, в Забайкалье и на Дальнем Востоке российское государство не обладало абсолютным суверенитетом. По сути, осуществление публичной власти ограничивалось российскими подданными, осуществлявшими административное управление, выражавшееся чаще всего в сборе ясака. При этом говорить о том, что ясачный сбор являлся формой осуществления фискальных функций государства нельзя, так как ясачное население («инородцы») не имело устойчивой правовой связи с российским государством, на это указывают не только тот факт, что кочевое население Забайкалья могло свободно покинуть территорию, подконтрольную представителям государственной власти России, но и частые конфликты, которые решались отнюдь не вертикальными методами государственного принуждения, и уж тем более не посредством российской юрисдикции. В целом можно говорить о том, что российская государственность на данных территориях ограничивалась временным присутствием администрации и принудительной силы (вооруженных отрядов), распространявших свое влияние и представлявших государственный суверенитет в известных пределах.

Столкновение интересов России и Китая на данных территориях формально закончилось подписанием 29 августа 1689 г. (дата, официально принятая в историографии) Нерчинского договора. Не вдаваясь в подробности подписания данного нормативно-правового акта, а также его обширной критики в отечественной историографии, отметим, что данный документ явился первым источником позитивного права, закрепившим суверенитет российского государства на территории Забайкалья. И в этом плане стоит привести качественную оценку договора известного

правоведа Ф. Ф. Мартенса. Он пришел к выводу, что «текст или слова трактатов обыкновенно понимались совершенно одинаково как Россией, так и Китаем, исключая случаев ошибок в переводе. Но дух этих международных актов был понимаем различно двумя правительствами по той простой причине, что их нравственные и юридические понятия о международных отношениях были противоположны» [6, с. 34]. Данная проблема, действительно, вызвала на практике много вопросов, связанных с применением нормативно-правового акта. Однако это не умаляет значение Нерчинского договора как равноправного акта субъектов международного права, как акта признания суверенитета России на разграниченных территориях со стороны Китая.

С точки зрения исследования вопроса о формировании правового положения иностранцев на территории Восточной Сибири, данный нормативный акт важен не столько описательной частью прав и обязанностей иностранцев, сколько предпринятой попыткой обозначения рамок понятий «иностранец» и «подданный». В данном акте международного права указаны правовые признаки иностранного подданного, которые в своей совокупности позволяют говорить о формировании в первую очередь именно правовой связи подданного с государством, доминирующей над остальными признаками подданства субъекта права, существовавшими ранее.

Так, статья четвертая договора устанавливала процесс правового регулирования лиц, без особых на то прав пересекающих границу (перебежчиков), согласно тексту, такие лица должны были быть выданы тому государству, с территории которого они пришли, при этом лица, перешедшие рубежи до заключения договора, могли оставаться на территории нахождения [13, с. 5]. Таким образом, данная статья устанавливала наличие правовой связи лиц с тем государством, на территории которого они находятся с момента подписания договора. Говорить о гражданстве или подданстве здесь, ввиду исторических условий, не приходится, но по внутреннему смыслу статья разграничивает подвластное население по территориальному признаку. Более того, именно по территориальному признаку происходит дальнейшее формирование российского подданства. В статье пятой фактически определен порядок пересечения государственной границы, обусловленный получением «проезжей грамоты». Статья шестая разграничивает подсудность и юрисдикцию государств: «Прежде

будущие какие ни есть ссоры меж порубежными жителями до сего постановленного миру были, для каких промыслов обоих государств / промышленные люди переходят будут и разбои или убийство учинят, и таких людей поймав, присылают в те стороны, из которых они будут, в порубежные города к воеводам, а им за то чинить казнь жестокою; будет же соединясь многочислом и учинят такое вышесказанное воровство, и таких своевольников, перелова, отсылать к порубежным воеводам, а им за то чинить смертная казнь» [13, с. 5–6]. Исходя из текста статьи, следует, что подданные государств за проступки и преступления должны наказываться по праву государства, подданным которого является правонарушитель. Тем самым определялись границы распространения суверенитета государств, границы подвластной администрации территории, которые определялись не только по территориальному признаку, но и по признаку юридической связи личности с государством. Несмотря на ограниченную юридическую технику договора, а также существование пробелов в правовом регулировании, закрепление признака территориальной принадлежности к государству, а соответственно, и внесение некоторой ясности в определение подданства личности принесло свои плоды. Так, по сохранившимся документам [10, с. 46] на территории российской юрисдикции и распространении российского суверенитета проводился розыск лиц, подданных Китая, по прошению китайской стороны. Между тем одного признака территориальной принадлежности, для решения вопроса о правовой принадлежности личности к государственному образованию, не хватало и связано это было, прежде всего, со столкновением государственного российского права с новыми общественными отношениями, которые им не регулировались. В эти и последующие годы формируется понятие личного подданства (преданности) государю, что расходилось с прежними представлениями русского права о подданных и иностранцах. Однако влияние старых правовых и неправовых подходов ощущалось. Так, стремясь закрыть правовой вакуум в вопросе подданства населения Сибири, которое находилось, с одной стороны, под непосредственным воздействием системы государственного управления России, а, с другой, не имело четкого правового статуса, царем Петром I предпринимались попытки крещения иноверцев, что с точки зрения существовавшего права означало фактическое принятие подданства. Эти цели, в том числе, преследовал Указ

царя Петра I от 18 июня 1700 г. по вопросам караванной торговли и миссионерской деятельности православного духовенства в Сибири и Цинской империи [10, с. 48–50]. Тем не менее, правовой подход, указанный в Нерчинском договоре в вопросах содержания категории и понятия «иностранец», стал превалировать в отечественном праве. Например, в «Записи доезда» от 18 марта 1706 г. в Нерчинскую приказную избу нерчинских конных казаков И. Опрелкова и С. Томского, о поездке для возвращения откочевавших из русских владений бурят и о перемещении на постоянное жительство в пределах российской территории инородцев/иноземцев. Это означало переход их «под ево самодержавную высокую руку в ясачной платеж и в вечное холопство» [10, с. 77]. Таким образом, произошло установление правовых различий между понятием «иностранец» и понятием «подданный», пролегающих в одних правовых категориях и конструкциях. Однако оставалась еще в несколько неопределенном правовом положении категория «инородец».

Литература

1. Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – М., 1969.
2. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. – М. ; Волгоград : НОФМО, 2002. – 572 с.
3. Взаимоотношение Китая с соседними странами в новое и новейшее время / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М. : Наука, 1982.
4. Границы Китая: история формирования / под общ. ред. В. С. Мясникова и Е.Д. Степанова. – М. : Памятники ист. мысли, 2001. – 470 с.
5. Кутафин О. Е. Российское гражданство (М. : Юристъ, 2004) // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
6. Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование / Ф. Ф. Мартенс. – СПб., 1881. – 83 с.
7. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.) / Г. В. Мелихов. – М., 1974.
8. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Иркут. ун-т, 2004. – Ч. 1. – 227 с.
9. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В. С. Мясникова. – М. : Памятники исторической мысли, 2004. – 696 с., ил.
10. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и док. – М. : Наука, 1978. – Т. 1.
11. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и док. – М., 1972. – Т. 2.
12. Русско-китайские отношения, 1689–1916 : офиц. док. – М., 1958.
13. Сборник договоров России с Китаем 1689–1881 гг. – СПб. : Изд. М-ва иностр. дел, 1889. – 271 с.
14. Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 2004.